

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Булгарова Б.А., Дуань С., Козловская Е.С., Гафурова Л.Р. Реконфигурация и диалогизм: эволюция китайской мифологии от античности к современности в соответствии с теорией Бахтина // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76583 EDN: JMGQHV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76583

Реконфигурация и диалогизм: эволюция китайской мифологии от античности к современности в соответствии с теорией Бахтина

Булгарова Белла Ахмедовна

ORCID: 0000-0001-6005-2505

кандидат филологических наук

доцент; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ bulgarova-ba@rudn.ru

Дуань Сяосяо

ORCID: 0009-0007-1896-8641

аспирант; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1042248252@pfur.ru

Козловская Екатерина Станиславовна

ORCID: 0000-0002-6308-725X

кандидат филологических наук

доцент; кафедра Русского языка №5; РУДН им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ kozlovskaya_es83@mail.ru

Гафурова Линара Раисовна

ORCID: 0009-0001-2294-5342

Педагог ДО; институт русского языка; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ belamie22@gmail.com

[Статья из рубрики "Мифы и мифологемы"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2025.11.76583

EDN:

JMGQHV

Дата направления статьи в редакцию:

01-11-2025

Аннотация: Предметом исследования выступает динамичная эволюция китайской мифологии, рассматриваемая через призму теории Бахтина. Авторы статьи исследуют мифологию Китая от форм первобытных верований до современных кино- и телевизионных адаптаций, раскрывая ее культурную сущность как "сцены вечного диалога". Анализируются ключевые исторические этапы развития китайской мифологии: полифонические нарративы осевой эпохи, в которых такие фигуры, как Даю, переосмысливались различными философскими школами; диалог и взаимное конструирование религиозного и светского дискурсов, примером чего является фигура Гуань Юя, из династии Вэй, Цзинь, Тан и Сун; продолжающийся диалог между официальными лицами и народом, священным и светским, историческим и современным, воплощенный в литературе времен Мин и Цин о "Посвящении богов"; визуальная нарративная конструкция "хронотопа", воплощенная в современной цифровой игре "Black Myth: Wukong". Данное исследование обеспечивает методологическую поддержку для творческой трансформации современной мифологии, отвечает на вопрос о национальной культурной идентичности в контексте глобализации и обеспечивает важную теоретическую основу для изучения возможности мультикультурной идентичности. Методология исследования строится на "теории диалогизма" Бахтина, переосмысливается эволюционная логика китайской мифологии, утверждается, что этот процесс, по сути, представляет собой непрерывные переговоры между множеством дискурсов: официальными повествованиями, народными интерпретациями, философскими заимствованиями и межкультурными обменами. Исследование расширяет сферу применения карнавальной поэтики и концепции "хронотопа" от литературной критики до мифологических исследований. Научная новизна исследования заключается в применении ключевых концепций Бахтина к процессу эволюции мифологии Китая как к культурному феномену, а не к литературному тексту. Такой исследовательский подход переводит траекторию литературного анализа в область кросс-культурных исследований и мифологии. Авторы статьи предлагают новый взгляд на изучение китайской мифологии как на процесс непрерывного дискурса (исторического и философского, народного и официального, светского и религиозного, современного и традиционного). Вывод, к которому приходят авторы исследования заключается в следующем: суть китайской мифологии кроется в трансформационной динамике на протяжении всего исторического этапа: культурные мифологические архетипы продолжают передаваться через новые формы коммуникации, в том числе и цифровые, отвечая глобальным вызовам современности и тенденциям к междисциплинарности.

Ключевые слова:

Китай, Бахтин, мифология, трансформация, диалог, образ, адаптация, реконструкция, интерпретация, коммуникация

Введение

В конце 1950-х годов Е. М. Кожинов систематизировал неопубликованные научные рукописи и заметки Бахтина и впервые раскрыл основные принципы своих лингвистических и эстетических исследований, отметив завершенность идеологической системы Бахтина [4]. В 1960-х годах французский специалист по семиотике Юлия Кристева опубликовала книгу под названием "Семиотика: исследования в области анализа знаков", в которой впервые представила французскому академическому сообществу "теорию диалогизма" Бахтина и "карнавальную поэтику" и включила ее в дискуссию между структурализмом и постструктуральным [5]. Это событие способствовало популяризации и интеграции подхода Бахтина в западные теории; его концепции использовались в различных исследованиях в сфере теории литературы, философской антропологии и культурологии, что в конечном итоге закрепило за ним академический статус важного мыслителя и теоретика литературы 20 века.

Философский краеугольный камень системы мышления Бахтина, "диалогизм", является основной логикой его лингвистических, поэтических и философских исследований [12, с. 151-155]. Он определяет "диалогизм" как онтологические характеристики человеческого сознания и существования языка, подчеркивая, что смысл генерируется в вечном взаимодействии различных субъектов, различных дискурсов и различных культурных форм.

В данном исследовании теория "диалогизма" выступает концептуальным инструментом для изучения китайских мифологических нарративов, выходящих за рамки дисциплинарных границ: китайская мифология развивалась на протяжении тысячелетий, от примитивных символов "Классики гор и морей" до визуальной реконструкции современного кино и телевидения. Мифология Китая всегда была в центре внимания и выступала синергией множества дискурсов: диалог между примитивными тотемами и исторической рациональностью, игра между официальными повествованиями и народными легендами, интертекстуальность между местными традициями и мировой культурой. Современный исследовательский подход к изучению мифологии Китая строится на таких ключевых понятиях как: "незавершенность", "внешняя перспектива" и "карнавальная деятельность", актуализируя историческое измерение мифологических исследований, обеспечивая надежную теоретическую основу для современной трансформации традиционных нарративных текстов и демонстрируя гибкость интерпретации и жизнеспособность классических идей в разнородных культурных контекстах.

1. Исследование мифологического текста и теория Бахтина

1.1 Диалогичность: индивидуальность и системность мифологических образов

В "Проблемах поэтики Достоевского" Бахтин возвел диалогизм к уровню онтологии и предложил "существование как диалогизм", подчеркивая многоуровневые диалогические отношения внутри текста, включающие взаимодействие различных субъектов дискурса и согласование исторических и текущих значений [11]. В китайской мифологической системе мифологические образы не существуют изолированно, а устанавливают свои значения посредством интертекстуальных связей между различными мифологическими текстами. Образ Нузы с "человеческой головой и телом змеи" (Классика гор и морей, классика Великого Дикого Запада) образует "двойственность творения" с Фуси в первобытных верованиях [2, с. 191-201]. Его повествовательная

функция - "восстановление неба" и "создание людей" - по сути, является целостным объяснением естественного порядка вещей и происхождения человечества от предков. В то же время последующие поколения осознавали диалог между мифологическими текстами-прототипами посредством реконструкции.

Классика гор и морей

Нува и Фуси
Фигура человека и змеиНува
чинит небеса

Рисунок 1. Изображение Нузы

Династия Хань Хуайнаньцзы включила Нуву в космологию "Инь-Ян и пять элементов", сделав ее хранительницей порядка, которая "очищала пятицветные камни, чтобы починить небеса", сформировав историческое объединение мифов посредством дискурса власти (Рис. 1). Смысловые границы китайских мифологических образов постоянно расширялись при столкновении дискурсов в разные эпохи.

1.2 Полифоническое повествование: смыслопорождение мифа и многоголосие

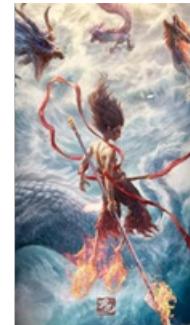
Бахтин утверждал: суть полифонических романов заключается в "множестве независимых и неинтегрированных голосов и сознаний, в истинной полифонии, состоящей из полноценных разных голосов" [11]. Полифонический характер китайской мифологии отражается в сосуществовании различных интерпретаций конфуцианства, буддизма и даосизма. История о том, как Мулян спас свою мать, впервые была описана в "Улламбана сутре Будды", которая была привезена в Китай из Индии во времена ранней династии Хань. Позже, в процессе локализации в Китае, индийская буддийская концепция реинкарнации была интегрирована в даосскую концепцию ада и конфуцианскую этику сыновней почтительности [3, С. 42-51].

Мулян спасает свою мать

Кунг-фу Панда

Нэжа

Рисунок 2. Трансформация образов

Серия фильмов "Кунг-фу Панда" трансформировала китайские символы, такие как

“дракон” и “феникс”, в символы западного личного героизма, в то время как “Нежа: дитя дьявола приходит в этот мир” стала ответом на голливудские нарративы местным дискурсом “моя судьба определяется мной самим, а не Богом” [9, С. 73-76]. Подобный межкультурный диалог – не является собой противостояние, а представляет собой то что Бахтин называет “гетероглоссией”, достижение времененного консенсуса по универсальной теме различных культурных голосов, демонстрирующее полифонический потенциал мифа как “культурной среды” (Рис. 2).

1.3 Карнавализация: воссоздание порядка и разрушение сакрального

Теория карнавала интерпретирует карнавал как символический феномен сопротивления власти. Посредством словесной игры, обмена ролями и других форм он использует ритуал “коронованный-развенчанный”, чтобы подорвать иерархический порядок и реконструировать дискурс равенства [11]. Карнавальное выражение в китайской мифологии сосредоточено в растворении сакрального в народных повествованиях. В “Путешествии на Запад” Сунь Укун крадет персики, подделывает книгу жизни и смерти, называет Нефритового императора “старым императором” и устраивает бунт в Небесном дворце, что является “утопией в карнавальном стиле”, используя словесные оскорблении и физическое насилие, чтобы “свергнуть” власть о небесном мире. Более символично, что Сунь Укун, “Великий мудрец, равный Небесам”, просит Нефритового императора “позволить мне, Великому Мудрецу, Равному Небесам, жить в этом Небесном дворце” (глава 4) [15, С. 171-185].

Великий хаос на небесах

Возвращение Великого мудреца

Белая змея

Рисунок 3. Современные кино- и телевизионные адаптации мифологии

Это “коронное” поведение, по сути, заключается в противопоставлении себя верховной власти и создании карнавального пространства “равенства всех существ”. Современные кино- и телевизионные экранизации мифологии подчеркивают “десакрализацию”. Король обезьян в “Возвращении великого мудреца” теряет свой ореол “Великого мудреца” и становится “разочарованным героем”, зараженным духом рынка; “Белая змея: Происхождение” превращает Белую Змею из “демона под пагодой Лэйфэн” в обычную женщину, стремящуюся к истинной любви [8, С. 62-68]. Карнавальная стратегия “падения и подъема” устраняет трансцендентные атрибуты мифологии и позволяет ей войти в секулярное эмоциональное пространство (Рис.3).

1.4 Время и пространство: согласование исторических и современных ценностей

В 1937 году Бахтин впервые предложил концепцию “хронотопа” в работе “Временная форма и пространственно-временная форма романа”, предположив, что “как когнитивное

целое временные и пространственные отношения органично интегрированы в художественный текст". Знак времени должен быть отображен в пространстве, а пространство понимается и измеряется через время [\[7, С. 30-33\]](#). От древнегреческих эпосов до реалистических романов хронотоп претерпел трансформацию от абстрактного к конкретному, от публичного пространства к частному и отражает влияние социальной культуры в разные периоды на концепцию времени и пространства. В "Записях великого историка: основные летописи пяти императоров" Сыма Цянь включил мифологические фигуры, такие как Хуанди, Яо и Шунь, в линейные временные рамки, такие как "Хуанди умер и был похоронен в Цяошане" и "Яо был у власти 70 лет и победил Шуня". В космологии он построил географическую систему координат, согласно которой "Хуанди жил на холме Сюаньюань и женился на дочери Силина" [\[3, С. 42-51\]](#). Сопоставляя мифологические события со сменой династий и конкретными географическими пространствами, он создал единую идеологию и превратил мифологических персонажей из трансцендентных богов в исторических монархов, которые могут быть подтверждены.

2. Первобытная вера: создание священных образов в хаотичном пространстве и времени.

Бахтин отмечал, что истинные художественные тексты "незакончены", и их смысл всегда открыт, ожидая постоянного вмешательства более поздних интерпретаций [\[1\]](#). Таотийский узор на бронзовых изделиях династии Шан символизировал "божественную власть" в династии Шан, но постепенно превратился в моральный символ предупреждения "избегать жадности" в династии Чжоу [\[10, С. 83-92\]](#). Значение божественности тотема не зафиксировано в одном тексте, но постоянно перестраивается племенами в процессе миграции, войн и интеграции. Изменение значения тотемного культа подтверждает природу "незавершенного носителя", который всегда находится в противоречии между сакральностью и светскостью. Эта незавершенность также отражается в полифонической структуре

тотемных

функций.

Чионугва

Башу

Либайши

Рисунок 4. Многоголосое повествование о животном-тотеме

Одно и то же животное-тотем (например, тигр) может играть несколько ролей в разных племенах, таких как бог войны (племя Чиу) [\[16, С. 103-107\]](#), бог размножения (тотем Башу) [\[14, С. 87-91\]](#) и страж природы (культ Либайши) [\[6\]](#), образуя "полифоническое повествование" о примитивных верованиях (Рис. 4).

Примитивные ритуалы жертвоприношения - это доисторическая практическая область теории карнавализации. Суть состоит в том, чтобы создать "равное пространство" для общения между людьми и богами посредством иррациональных телесных действий (таких как ношение масок, подражание мифическим животным и пьяное веселье), а также укрепить коллективные убеждения в процессе подрыва повседневного порядка. Ритуал "Юджи", зафиксированный в надписях на костях оракулов из Иньсу (жертвоприношение вина богам в сопровождении танца), представляет собой карнавальную сцену, которая

следует диалектической логике Бахтина "коронация-недраматизация". Волшебник впадает в "состояние экстаза" из-за опьянения, и его речь превращается из повседневного общения в "оракул". Человеческие индивидуумы в повседневном порядке "не драматизируются" в ритуале и становятся участниками хаотического состояния, но "коронуются" как носители священной силы в слиянии с образом богов.

Стоит отметить, что карнавализация примитивных жертвоприношений - это не просто нарушение общественного порядка. Основная логика заключается в том, чтобы добиться наведения порядка путем периодического ниспровержения принципа "коронованный-развенчанный". Например, карнавальное подражание богу земледелия на фестивале восковых фигур в конечном счете указывает на подтверждение порядка сбора урожая; танец, призванный прогнать бога Нуо в опере "Нуо", призван усилить коллективное стремление к чистоте (порядку) путем имитации хаоса (злых духов). Это подтверждает основную мысль Бахтина: за ниспровержением карнавала стоит скрытое поддержание глубинного культурного порядка - примитивный мифологический образ обретает реалистичное существование в карнавальном ритуале, и его сакральность утверждается в процессе диалога "разрушение-реконструкция"[\[1\]](#).

3. Осевая эпоха: зарождение полифонического повествования (до Цинь-Хань)

Наиболее ярким проявлением "диалогической" теории Бахтина в Осевую эпоху стал кросс-дискурсивный диалог "мифологических метатекстово-философских интерпретаций", сформированный различными философскими школами в весенне-осенний период и период воюющих царств, которые строили свои идеологические системы путем переписывания мифологических образов [\[17, С. 106-116\]](#). Такого рода интерпретация - это не одномерное присвоение смысла, а двустороннее взаимодействие между различными школами и мифологическими архетипами, а также между разными школами через мифологические архетипы. Это многоголосое повествование не только заложило идеологическую основу для объединения династий Цинь и Хань, но и заложило традицию диалога "гармония в многообразии" в китайской цивилизации.

Дайю - ключевая фигура в древнекитайских мифах и исторических легендах. Его основные деяния - "борьба с наводнениями для спасения людей" и "установление границ девяти государств". Согласно "Классике гор и морей", в эпоху Яо и Шун, когда жил Дайю, наводнения были в разгаре. Отец Дайю был привлечен к ответственности за неспособность справиться с наводнениями, и он перенял контроль своего отца. В отличие от метода "блокирования", который применял его отец, Дайю применил стратегию "дноуглубления", заставив людей рыть реки и извлекать ил. После тринадцати лет напряженной работы он, наконец, успешно справился с наводнениями и позволил людям жить в мире. Образ Дайю сочетает в себе мифологические и исторические элементы: с одной стороны, его история имеет мифологическую окраску, например, легенда о том, что он пользовался помощью мифических зверей, таких как черепаха и Инлун; с другой стороны, более поздние поколения рассматривали его как реальную историческую личность и даже считали главным героем, основателем первой династии Китая, "династии Ся" [\[2, С. 191-201\]](#). Эта характерная черта образа "наполовину бога, наполовину человека" сделала Дайю важным культурным символом для более поздних мыслителей, объяснявшим различные взгляды.

Конфуцианство превратило действия Дайю по борьбе с наводнениями в носителя моральной дисциплины, превратив их в идеальную модель "самосовершенствования - устройства семьи - управления страной - умиротворения мира": развитие личности

(самоконтроль) проявляется в восстановлении общественного порядка (управлении страной) посредством наводнения - практики контроля (управление страной), и, наконец, достигается идеализированное политическое видение: "земля ровная, небо безупречное, а шесть министерств и три министерства внутренних дел управляются должным образом" (мир во всем мире) [\[17, С. 106-116\]](#). Даосизм интерпретирует действия Дайю по борьбе с наводнениями как философскую метафору "Дайю следует природе" (следуя законам природы), и через стратегию Дайю по борьбе с наводнениями "плыть по течению" объясняет даосскую практическую мудрость "следования неотъемлемым законам вещей". В даосском дискурсе успех Дайю заключается не в покорении человека, а в согласии с "путем природы", что является мифологическим примером для даосской философской системы "гармонии между человеком и природой" [\[17, С. 106-116\]](#). Моисты верили, что Дайю был образцом утилитаризма, который "усердно трудился на благо мира" (все раны были от макушки до пяток, что характеризовало физический труд на благо мира), и подчеркивали его дух "всеобщей любви" - борьба с наводнениями была не для него путем к «установлению мира и устраниению его вреда», превращая мифического героя в утилитарное воплощение "содействия благу всех людей" [\[17, С. 106-116\]](#). Образ Дайю подобен "вместилищу смысла", которое продолжает подвергаться "семантическому расщеплению" в моральном дискурсе конфуцианства, философском дискурсе даосизма и утилитарном дискурсе мохизма, что полностью подтверждает теорию Бахтина о "разноречии" [\[1\]](#). Суть его первоначального мифа была в той или иной степени ослаблена, но основное повествование о "борьбе с наводнениями и спасении людей" всегда присутствует, становясь смысловым стержнем диалога между тремя школами.

4. От династий Вэй и Цзинь к династиям Тан и Сун: интеграция и взаимоисключение религии и светскости

В период культурного перехода от династий Вэй и Цзинь к династиям Тан и Сун образ Гуань Юя претерпел двойственную трансформацию - от "исторического военачальника" к "конфуцианскому моральному богу" и "народному богу". Этот процесс - не одностороннее приятие смысла, а непрерывный диалог между официальной идеологией и народной культурой через образ Гуань Юя [\[3, С. 42-51\]](#). Гуань Юй был знаменитым полководцем времен поздней династии Восточная Хань. Он следовал за Лю Бэем, императором-основателем династии Шухань в период Троецарствия, и был известен своей верностью и храбростью. Хотя его жизнь не имела четкой мифологической окраски, в последующих поколениях она была совместно сконструирована официальными лицами и народом и стала культурным символом, имеющим большое символическое значение.

В 19-м году правления Кайюань (731) император династии Тан Сюаньцзун издал указ о создании "Храма войны", который отменил статус Гуань Юя как местного божества и превратил его в национальный символ "защиты страны и народа", а также основных конфуцианских ценностей, таких как "верность". Слова "праведность" и "боевые искусства" были явно внесены в название. Более поздние тексты избирательно подчеркивали верность Гуань Юя императору и его честность, постепенно устранив человеческую слабость "жесткости и самомнения" Гуань Юя в "Троецарствии", превращая его в морально совершенного человека с "великой праведностью", становящегося военным воплощением "Троецарствия". Конфуцианский идеал короля-вассала, служащий продвижению ценностей "верности императору и патриотизма" централизованными режимами династий Тан и Сун [\[3, С. 42-51\]](#).

Во времена династий Вэй и Цзинь народные предания начали наделять Гуань Юя божественными качествами после его смерти. При династии Тан народные легенды получили дальнейшее развитие. В "Юйцюань цзы чжэнъну" говорится, что Гуань Юй появился как буддийское божество-хранитель "бодхисаттва Галан" на горе Юйцюань в Данъяне, совершив ключевой скачок от человека к Богу [\[3, С. 42-51\]](#). Народные предания намеренно сохраняют и усиливают смертные качества Гуань Юя. Он отличается от абстрактных богов, которые находятся высоко над нами. Хотя он и является "богом войны", в его обязанности также входит привлечение богатства и изгнание злых духов (Рис. 5). Эта стратегия повествования превращает его в светского защитника, который "чуткий, ему можно помочь" и пользуется широкой любовью в светском мире.

Гуань Юй

Бодхисаттва Галан

Бог богатства

Рисунок 5.

Народные предания

Официальный и частный секторы проводят межклассовые диалоги на основе общих принципов " loяльности и праведности", создавая культурный консенсус при взаимной интеграции и расширяя границы понимания при взаимном исключении. Официальный "моральный дискурс" (конфуцианская верность и праведность) и частный "утилитарный дискурс" (защита народа и стремление к богатству) не заменяют друг друга, а образуют "полифоническую" структуру. В то же время интерпретация каждой эпохи является ответом на предыдущий текст и выходит за его рамки. Во времена династии Тан чиновники наделяли Гуань Юя значением "лояльности", частный сектор во времена династии Сун добавил к нему функцию "защиты народа", а династии Мин и Цин еще больше превратили его в "бога богатства". Именно в этой "незавершенности" и заключается жизненность текста, подчеркиваемая Бахтиным [\[1\]](#). Он постоянно расщепляется при взаимодействии различных дискурсов. Его первоначальные исторические атрибуты (полководцы трех царств) постепенно отступали, в то время как символические атрибуты культурного строительства (символ верности и праведности, светский святой-покровитель) продолжали расширяться.

5. Династии Мин и Цин: пик диалога между божественностью и человечеством

Эволюция мифологии во времена династий Мин и Цин продемонстрировала четкую двойственную траекторию политизации и секуляризации. На фоне усиления авторитарной имперской власти правительство превратило традиционную мифологию в нарративный инструмент легитимации режима посредством институциональной инкорпорации и идеологической дисциплины. Народная религия прорвалась сквозь официальные запреты благодаря теоретической реконструкции "Трех религий в одной". Эта интеграция породила повествовательную основу противостояния "Чанцзяо и Цзецзяо" в "Романе о богах", сформировав уникальную систему политических аллегорий [\[2, С. 191-201\]](#). Реконструируя древние легенды, литераторы династии Мин превратили исторические события, такие как революция Шан и Чжоу и завоевание королем У власти

короля Чжоу, в средство критики реальной политики, а революцию Шан и Чжоу превратили в символическую систему для укрепления легитимности режима, осмысления бюрократической системы и борьбы с коррупцией. Дилемма индивидуальных ценностей во времена династий Мин и Цин становится типичным текстом для интерпретации политических метафор древнекитайской мифологии.

На первый взгляд, «Облечение богов» изображает древнюю легенду о «завоевании царем У царя Чжоу», но на самом деле оно содержит метафорические размышления о реконструкции политического порядка во времена перехода от династии Мин к династии Цин [\[2, С. 191-201\]](#). После падения династии Юань режиму династии Мин необходимо было доказать свою легитимность «Мандатом Небес». Во времена поздней династии Мин и ранней династии Цин люди также использовали «революцию Шан-Чжоу» как метафору сложного менталитета династии Цин, формируя диалог между официальной идеологией и народными историческими взглядами. Трехэлементная бессмертная система «Чанцзяо-Цзецзяо-Человечество», построенная на Посвящении богов, по сути, является мифологической деформацией бюрократии династии Мин. Чанцзяо представляет «ортодоксальную элиту», Цзецзяо символизирует «еретические силы», а борьба за власть между ними вокруг «Посвящения в боги» отсылает к партийной борьбе в эпоху поздней династии Мин и внутренним противоречиям бюрократии [\[2, С. 191-201\]](#).

Боги в «Посвящении богов» полностью повторяют бюрократическое разделение труда шести министерств и девяти министров во времена династии Мин. Здесь раскрывается «коронованное и некоронованное» в теории «карнавализации» Бахтина: боги, «некоронованные» в войне между Шан и Чжоу, становятся личностями, участвующими в человеческой битве, и, наконец, «коронуются» как институционализированные бюрократические боги, подразумевая скрытую критику бюрократической системы, которая включает в себя «сверхъестественное», «индивидуов» и «институциональные механизмы»[\[1\]](#). Траектории судеб таких персонажей, как Нежа, Ян Цзянь и Инь Цзяо, в этой истории представляют собой пространство напряженности между «божественными требованиями» и «человеческой борьбой», что является метафорой ценностной дилеммы отдельных людей в условиях автократической системы во времена династий Мин и Цин [\[2, С. 191-201\]](#).

«Посвящение в боги» использует революции Шан и Чжоу в качестве основы, а политику Мин и Цин - в качестве основы. С помощью мифологических сюжетов оно завершает тройное метафорическое размышление о легитимности режима, бюрократической системе и судьбах отдельных людей. Его глубина заключается в том, что он превращает абстрактную политическую философию в конкретные истории о богах и чудовищах. Это не монотонный идеологический рупор, а поле непрерывного диалога между чиновниками и народом, священным и светским, историей и реальностью.

6. Современный подход: визуальная реконструкция и диалогизм во времени и пространстве

Являясь своеобразным кодом национальной культуры, мифология в своем построении времени и пространства следует бинарной логике «священного времени» и «центрального пространства». После династий Мин и Цин в популярной литературе стали проявляться признаки деконструкции этого повествования. «Путешествие на Запад» разрушает святость благодаря разнице во времени и пространстве: «один день на небесах, один год на земле»[\[15, С. 171-185\]](#). Современная индустрия кино, телевидения и игр использует цифровые технологии, чтобы высвободить мифологические символы из линейной истории

и создать виртуальное пространство-время, переплетенное с "прошлым-настоящим-будущим". В наше время мифологическое время и пространство превратились из "неприкосновенных сакральных зон" в "визуальные ландшафты, на которые можно смотреть и которые можно реконструировать". Это больше не носитель единой идеологии, а поле для множества дискурсивных игр.

В то время, когда индустрия кино и телевидения, а также игровая индустрия тесно интегрированы, "Черный миф: Укун" превращает традиционные мифологические повествования в современные философские басни. Сохранив тему "поиска священных писаний", он завершил разрушительную реконструкцию мифологической логики времени и пространства [\[13, С. 130-137\]](#). В отличие от односторонней коммуникации традиционного кино и телевидения, механизм интерактивного повествования реализует воплощение времени и пространства через "присутствие игроков". "Черный миф: Укун" использует технологию цифрового двойника для сканирования и моделирования 36 древних памятников, таких как храм Шаньси Фогуан и наскальные рисунки Чунцин Дацзу, позволяя висячим скульптурам династии Тан, фрескам династии Мин и эстетике киберпанка сосуществовать, создавая перекрытие времени и пространства "история-фэнтези-будущее", а также создавая уникальную архитектуру - цифровую Вавилонскую башню, которая позволяет вести диалог между традициями и современностью, сакральностью и светскостью, отдельными людьми и институтами [\[13, С. 130-137\]](#).

В мифологическом тексте "Путешествия на Запад" "время поиска священных писаний" присутствует одномерное воплощение духовного времени "совершенствования ума и становления святым" в физическом времени "четырнадцати лет". «Черный миф: Укун» трансформирует теорию пространства-времени Бахтина в наглядное визуальное повествование с помощью цифровых технологий и использует "пространственно-временные складки", чтобы завершить диалог между сельскохозяйственной цивилизацией, стремящейся к порядку и вечности, и цифровой цивилизацией, которая придерживается деконструкции и разнообразия [\[13, С. 130-137\]](#). Когда игрок управляет Укуном, который разрушает купол храма Лейин, и наблюдает, как солнце освещает останки Будды, лежащие на земле, эта сцена является не только визуальным зрелищем, но и символическим разрушением традиционного мифологического порядка современными людьми. Эта деконструкция не является отрицанием, но благодаря реконструкции пространства-времени мифы обретают способность к диалогу с современными людьми.

Заключение: Миф как место постоянного диалога

1. Суть диалогической эволюции: "метаморфозы" культурных генов

От примитивных тотемов до изображений в кино и на телевидении, основные культурные гены китайской мифологии (такие как "отношения между небом и человеком" и "дух сопротивления") присутствуют всегда, но они передаются через постоянную "трансформацию" (например, Нува из бога-творца превращается в символ феминизма) [\[2, С. 191-201\]](#). Это подтверждает точку зрения Бахтина о том, что истинные культурные традиции - это не копии, а непрерывное порождение новых смыслов в диалоге со временем [\[1\]](#).

2. Вечная игра между карнавалом и дисциплиной

Переосмысление каждой эпохи включает в себя ниспровержение в карнавальном стиле (например, разрушение "патриархального порядка" современным кино и телевидением) и

внедрение основных ценностей (например, окончательное принятие Нежей социальной ответственности), образуя спираль “ниспровержения-реконструкции” [\[9, С. 73-76\]](#). Суть этой игры заключается в механизме самообновления человеческой культуры, подобно тому, как “карнавальная сцена” Бахтина всегда является полем борьбы множества сил [\[11\]](#).

3. Современная ценность незавершенности

Отказ от фиксированной сути и принятие множества интерпретаций - вот источник жизнеспособности мифа в современную эпоху. Когда Ян Цзянь исследует гендерное равенство в фильме “расколоть гору, чтобы спасти свою мать” [\[2, С. 191-201\]](#), а «Глубокое море» реконструирует “Миф о Шане” с использованием современных визуальных эффектов [\[8, С. 62-68\]](#), мы видим не отход от “оригинального мифа”, а современную практику теории Бахтина о “незаконченном тексте” — значение миф всегда присутствует в следующем диалоге [\[1\]](#).

От надписей на костях оракулов до света и тени на экране, эволюция китайских мифологических образов представляет собой историю цивилизации, в которой люди ведут диалог с самими собой через древние повествования. В период примитивных верований это был таинственный диалог между человеком и природой; в осевую эпоху - интеллектуальный диалог между сакральностью и рациональностью [\[17, С. 106-116\]](#); на этапе светской литературы - карнавальный диалог между властью и народом [\[15, С. 171-185\]](#); в контексте современного кино и телевидения - это межкультурный диалог между традицией и глобализацией [\[13, С. 130-137\]](#). Теория Бахтина интерпретирует эти диалоги не разрозненными историческими событиями, а процессом порождения смысла, разделяющим единую культурную логику [\[1, 12\]](#). Продолжение всех культур - это глубокий диалогизм между современниками и прошлым на площади истории, а мифы - самые древние и наиболее жизненно важные голоса в этом диалоге.

Библиография

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / пер. с рус. Бай Ч., Гу Ю. М.: Издательство "Сяньган санълянь шудянь", 1988.
2. Чэн С., Ян Ю. Пересказывание истории, воображение мифов и современная трансформация образов традиционной культуры – на примере "Возведение в ранг духов. Часть I: Ветры и облака Чаогэ" // Нинся социальные науки. 2024. № 1. С. 185-193.
3. Хэ Ш., Чэн Ц. Мифы, легенды и история // Журнал историографии. 2007. № 4. С. 42-51.
4. Бахтин М. М. Беседы с В. Д. Дувакиным / Под ред. В. В. Кожинова. М.: Согласие, 1996.
5. Кристева Ю. Желание в языке: Семиотический подход к литературе и искусству / Под ред. Т. Горы, А. Жардин, Л. С. Рудиеза. Нью-Йорк: Издательство Колумбийского университета, 1980. URL: https://archive.org/details/desireinlanguage0000kris_b8k4.
6. Лю Ю. Исследование истоков китайской цивилизации: Даосизм и космология тигра И; Серия исследований культуры И. Куньмин: Издательство Юньнаньского народного издательства, 1993.
7. Лю Б. Перечитывая Тодорова: Размышления об основных концепциях теории диалога Бахтина // Исследования по иностранным языкам. 2015. № 1 (182). С. 30-33.
8. Лю Ц., Ху Х. Этничность, современность и космополитизм "Трилогии Белой змеи" от

- студии Chasing Light Animation // Литература кино. 2025. № 6. С. 62-68.
9. Лю Л. Миф и реальность: Современная адаптация китайских анимационных фильмов: Сравнение "Шалости Нечжи в море" и "Низвержение Нечжи в мир" // Обозрение кино. 2020. № 11. С. 73-76.
10. Пэн Ч. "Исторические сущности" в нарративе мифологии: Обзор мифологических теорий в антропологии // Этно-национальные исследования. 2003. № 5. С. 83-92.
11. Тодоров Ц. Бахтин, теория диалога и не только / пер. с фр. Цзян Ч., Чжан П. Тяньцзинь: Издательство "Байхуа вэньъи", 2001.
12. Ван М. Природа символа и теория диалога – Исследование мысли Бахтина // Журнал иностранных языков. 2010. № 6. С. 151-155.
13. Сюй Ц., Юань Ю. Как цифровые игры рассказывают китайские истории: Анализ межкультурной коммуникации "Black Myth: Wukong" // Журнал Юго-Западного университета национальностей (Гуманитарные и социальные науки). 2024. Т. 45, № 12. С. 130-137.
14. Ян Ц., Ван Ч. Анализ темы тигра и жизни в древних орнаментальных портретах – Анализ культур тыквы-тигра и дракона-тигра // Медицина и философия (А). 2016. Т. 37, № 2. С. 87-91.
15. Ян Ю. Путешествие на Запад: Поздний представитель китайской мифологии и культуры // Социальные науки в Китае. 1995. № 1. С. 171-185.
16. Чжан Б. Чи Ю и возникновение китайского театра // Журнал Синьянского педагогического колледжа (Философия и общественные науки). 2019. Т. 39, № 3. С. 103-107.
17. Чжан К. Повествование и расколдовение китайской мифологии осевого времени // Журнал Нанкинского университета (Философия-Гуманитарные науки-Общественные науки). 2024. Т. 61, № 4. С. 106-116.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Реконфигурация и диалогизм: эволюция китайской мифологии от античности к современности в соответствии с теорией Бахтина» представляет собой масштабное междисциплинарное исследование, в котором философские и литературоведческие принципы бахтинской теории диалогизма применяются к анализу китайской мифологии. Предметом работы является выявление диалогической природы китайского мифологического дискурса, проявляющейся в многоуровневом взаимодействии культурных, философских и художественных текстов, от древнейших источников до современных аудиовизуальных интерпретаций. Автор демонстрирует, как мифологические образы и сюжеты обретают новые смыслы через постоянное «взаимоотражение» различных дискурсов – религиозного, исторического, художественного и цифрового.

Методологическое исследование опирается на принципы бахтинской философии языка и литературы: полифонизм, хронотоп, карнавализация, незавершенность текста. Автор умело сочетает эти категории с анализом китайских культурных реалий, выявляя системные параллели между бахтинской концепцией диалогизма и китайской идеей «гармонии в многообразии». Научная аргументация строится на сопоставлении текстов разных эпох – от «Классики гор и морей» и хроник Сыма Цяня до романов

«Путешествие на Запад» и «Посвящение в боги», а также современных кинопроизведений и видеоигр. Особенno интересным представляется обращение к категории «незавершенности» применительно к эволюции мифологических образов, что позволяет показать их непрерывную реконфигурацию в контексте исторического и культурного развития Китая.

Актуальность статьи несомненна. Она определяется не только обращением к фундаментальным вопросам культурной памяти и идентичности, но и попыткой переосмыслить классическую бахтинскую теорию в межкультурной перспективе. В условиях глобализации и активного взаимодействия гуманитарных традиций Востока и Запада подобные исследования способствуют формированию нового поля сравнительной мифопоэтики и философской антропологии. Автор убедительно показывает, что бахтинская идея диалогизма применима не только к литературе европейского модернизма, но и к архаическим и современным китайским нарративам, включая феномены массовой культуры.

Научная новизна работы заключается в оригинальном синтезе западной философии диалога и китайской мифологической традиции. Автор впервые предлагает целостную модель «диалогической эволюции» китайской мифологии, где каждая эпоха (от первобытных культов до цифровых реконструкций XXI века) рассматривается как этап непрерывного семиотического взаимодействия. Особенno продуктивным является введение категории карнавала для объяснения феномена десакрализации мифологических образов в народной культуре и медиаискусстве. Этот подход позволяет рассматривать миф не как статичную систему символов, а как динамическое пространство смыслов, постоянно обновляющееся в диалоге между сакральным и профанным.

Стиль и структура статьи соответствуют академическим стандартам. Текст отличается логичностью построения и композиционной завершенностью: после теоретического введения последовательно анализируются этапы мифологической трансформации (от первобытных верований и Осевой эпохи до династий Мин и Цин и современного периода). Обширный иллюстративный материал (включая рисунки и описания визуальных источников) делает изложение наглядным и межмодальным. Научный стиль выдержан, аргументация подкрепляется цитатами и ссылками на первоисточники и современные исследования. Отдельно следует отметить языковую чистоту текста и богатство терминологического аппарата, органично сочетающего философскую, филологическую и культурологическую лексику. В некоторых фрагментах наблюдается избыточная плотность цитирования, что несколько снижает динамику восприятия, однако это компенсируется глубиной анализа.

Библиография статьи представляется сбалансированной и отражает широкий теоретический и культурный контекст исследования. В ней сочетаются источники на русском, китайском и английском языках, что подчеркивает межкультурный характер работы. Особенno ценным является обращение к оригинальным изданиям трудов М. М. Бахтина, Ю. Кристевой, Ц. Тодорова, а также к современным китайским исследованиям 2020–2025 годов, что свидетельствует о внимании автора к новейшей научной повестке. Тем не менее, для усиления международного резонанса статьи можно было бы добавить ссылки на актуальные англоязычные публикации по компаративной мифологии и теории нарратива.

Апелляция к оппонентам выражена имплицитно, через диалог с западными и восточными теориями. Автор полемизирует с традиционным восприятием мифа как замкнутого текста и показывает, что в контексте бахтинской концепции миф представляет собой живой процесс смыслопорождения. Эта позиция открывает пространство для дальнейших дискуссий о трансформации сакрального в

постмодернистской культуре и о взаимодействии между цифровыми медиа и архаическими структурами сознания.

В заключение можно отметить, что статья обладает высокой научной и культурной ценностью. Она демонстрирует зрелое владение философским аппаратом, глубокое знание китайской традиции и умение мыслить на стыке дисциплин. Исследование представляет интерес для специалистов в области компаративного литературоведения, культурологии, философии культуры и востоковедения. Полагаем, что рецензируемую работу можно рекомендовать к публикации в научном журнале без критических замечаний.